

Я встретил своего друга Алека в Международном аэропорту Аляски, находящемся на острове Кодьяк. Однако я не уверен, что термин «Международный» точно соответствует действительности. На одном конце взлетно-посадочной полосы находится океан, а на другом — горы. Поэтому этот аэропорт не подходит для того, чтобы бегать по нему в любом направлении.

Алек только что закончил свою годичную службу в береговой охране на острове Сайткинак — крошечном островке в Алеутской цепи островов, недалеко от южной оконечности острова Кадыак.

Алек и я были отправлены в Сайткинак одновременно, но по какой-то странности у них оказался дополнительный радист, поэтому через четыре месяца меня перевели на Радиостанцию СиДжи в Кадыаке. Теперь, восемь месяцев спустя, настала очередь Алека. Теперь и он наконец-то покинул это заброшенное место. Там было, я думаю, двадцать восемь островитян, но среди них не было ни единой женщины, а связь с миром осуществлялась через самолет снабжения раз в неделю, если позволяла погода.

Я знаю, что в армии есть места и похуже, гораздо хуже. Но, черт возьми, это испытание — провести год, не видя ни единой женщины, на которую можно было бы пялиться и пускать слюни, и не встречая ни одного посетителя в самолете снабжения. Как я уже сказал, я уехал оттуда через четыре месяца, но Алек провел там весь долгий год.

Я был женат и жил за пределами базы со своей хорошенькой молодой женой Мишель в старом дуплексе времен Второй мировой войны, расположенном в трейлерном парке. В этом парке было четыре древних трейлера помимо нашего дуплекса. Когда я узнал расписание пересадки Алека, я спросил у Мишель, не может ли он переночевать в нашем доме до вылета из Кадыака в Анкоридж/Сиэтл, который запланирован на следующий день. Она искренне согласилась. У нас была только одна спальня, но даже наш комковатый диван был бы более привлекательным, чем ночь на одинокой казарменной кровати.

В тот вечер я закончил дежурство на радиостанции в шесть часов вечера, и у меня было целых сорок восемь часов, пока я опять не вернусь на двенадцатичасовую смену двумя ночами позже.

Маленький самолет Кадыак Эйрвэйс приземлился около семи вечера, и я поприветствовал своего друга рукопожатием и объятием. Мы увиделись впервые за восемь месяцев, впервые за целый год он покинул Сайткинак. У него была одна маленькая дорожная сумка, а все остальное должно было отправиться в его дом в городе Шарлотт штата Северная Каролина.

На обратном пути в наш маленький дуплекс в моем Шевроле 68-го года Алек рассказал мне о некоторых забавных событиях (НЕТ!), произошедших на Сайткинаке. Потом я сказал ему, что мы с Мишель повезем его в один из ночных клубов Кадыака на хороший ужин. Кадыак — небольшой городок с населением около 6000 человек, на которых приходится девять ночных клубов и баров.

Когда мы припарковались возле дуплекса, я сказал Алеку, что Мишель уже должна быть готова, так что я просто сбегу и заберу ее. А он может подождать нас в машине.

Я вышел из машины, поднялся по ступенькам и вошел в дверь. Затем я остановился как вкопанный и буквально вытаращил глаза. Мишель, моя великолепная жена, ждала нас, полностью готовая к ужину.

Мы с Мишель выросли в одном и том же городке Восточного Вашингтона, мы оба были фермерскими детьми. Но на этом наше сходство заканчивалось. Она была хорошенькой чирлидершей, принцессой выпускного вечера Национального Общества Чести, девушкой, о которой высокий тощий придурок вроде меня мог только мечтать. Не то чтобы Мишель была из тех, кто «задирает нос» — нет, просто я был застенчивым ботаником, а она была хорошенькой и популярной.

Я поступил в колледж, потом в береговую охрану и снова встретился с ней, когда приехал домой на похороны бабушки, случившиеся вскоре после Рождества. Я пошел на баскетбольный матч, и эта красивая девушка подошла ко мне и сказала: «Привет». Если в старших классах я думал, что она просто хорошенькая, то к тому времени она уже стала красивой со своими длинными темными волосами, красивым лицом и тонкой, но красивой женственной фигурой.

До конца игры мы сидели вместе, вспоминали школу, в которой мы ездили в одном школьном автобусе, но никогда не разговаривали. Я рассказал ей, как я был застенчив и до сих пор, собственно говоря, был застенчивым. Она засмеялась и сказала, что знала об этом, но все же надеялась, что я приглашу ее на свидание. Я удивленно посмотрел на нее тогда и сказал: «Но... у тебя были парни. А я был школьным ботаником».

Она рассмеялась: «Парни? Я встречалась с ними, но они были просто тупыми спортсменами. Ты был хорошим парнем, держал двери для девушек, много работал, я бы начала с тобой встречаться и после минуты разговора».

После того вечера я был потерян и окончательно влюблен. Мы договорились пойти в кино на следующий вечер на Джека Фроста*. Я заехал за ней в дом ее отца, и мы тогда пошутили, что было бы забавно просто отправиться в горы, а не в кино. Поэтому мы развернулись, вернулись к моим родителям, одолжили их старый пикап «Тойота Ленд Крузер» и направились в горы.

*семейный фильм 1988 года производства США

Я сделал ей предложение в мае следующего года, после того как угостил ее перевернутой пиццей, взятой в драйв-ин*, и она согласилась! Я был на седьмом небе от счастья! Если бы не... Мой скорый отъезд на службу на Сайткинак на целый год. Тогда я знал, что этот год станет самым долгим годом в моей жизни.

*Заведения, которые обслуживают клиентов, остающихся в своих машинах

Тогда я и познакомился с Алеком в Сиетле, и мы полетели в Анкоридж, потом вместе на

Кадьяк и Сайткинак. Я был радистом, только что окончившим радишколу, а он — техником-электронщиком. В течение следующих нескольких месяцев мы быстро подружились и даже жили вместе в одних и тех же казармах.

Все наши фантазии о женщинах состояли из писем из дома и рекламных разворотов «Плейбоя». У нас у всех были свои фантазии и некоторые из них мы обсуждали. Но моя настоящая фантазия была личной — я предвкушал свою первую брачную ночь. Но мне действительно нравилось заставлять Алека пускать слюни, показывая ему фотографии моей девочки, которые она периодически присылала мне.

Затем, через четыре месяца после прибытия, я получил приказ о переводе на Радиостанцию Кадьяка. Кто-то напортачил, и на базе оказалось три радиста, а не стандартных двое. Не знаю, почему третьим оказался я — удачный жребий, наверное.

Как бы то ни было, у меня оставалось две недели службы, после которых я полетел домой. Через несколько дней мой брат и его жена отвезли нас с Мишель в Рино, и 25 сентября 1998 года Мишель Такер стала моей женой.

Эта поездка сама по себе стала историей, но ночь после бракосочетания в Свадебном Парке была, без сомнения, самой лучшей, самой горячей ночью в моей жизни, и всегда такой останется... по крайней мере, я так думал раньше.

Я нашел маленький дуплекс в Кадьяке, и Мишель переехала ко мне через две недели. Следующие месяцы мы провели вместе в...как бы это сказать? В рае на земле. Если не считать снега — это была худшая зима в Кадьяке за последние десятилетия, по словам местных жителей. Более трех метров снега, что более чем вдвое превышает средний показатель. А также ужасный ветер, который сдул даже метеобашню авиабазы.

Но это не испортило нашего удовольствия. Мишель нашла работу юрисконсульта, к которой готовилась в колледже, и нечасто случалось, чтобы ночью (или днем, в зависимости от моей смены на радиостанции) мы не занимались любовью хотя бы раз, за исключением ее месячных. Эти четыре или пять дней каждого месяца были тяжелыми для нас обоих. Мы были молоды, любили друг друга, и наш секс был огромной частью нашей жизни.

Кроме того, как оказалось, почти три недели, предшествовавшие визиту Алека, девятнадцать дней, если быть точным, были самыми тяжелыми, потому что мы провели их без секса. Я заболел мононуклеозом*, и как раз в тот момент, когда я пошел на поправку, у Мишель начались месячные. Эти последние несколько дней были не просто тяжелыми — они были адскими!

*инфекционное заболевание, схожее с ангиной

И вот этим вечером я зашел в свой дом. Мой член мгновенно затвердел, когда я увидел свою жену. Она купила новую одежду: прозрачную красную блузку, которая не скрывала ее почти такой же прозрачный красный лифчик. Могу поклясться, что сквозь них я видел ее розовые соски.

Соедините это с обтягивающими коричневыми брюками, красными туфлями на, по крайней мере, десятисантиметровом каблуке, жемчужными серьгами и ожерельем, которые я подарил ей на день рождения, макияжем с красной помадой в тон блузке и ее шелковисто-гладкими, длинными каштановыми волосами. Я почти забыл об Алеке, ожидающем нас в машине.

Кстати, об Алеке ...Какого черта? Как он воспримет ее наряд после года-то, проведенного на острове?

Затем, естественно, она обняла меня за шею, легонько поцеловала в губы и сказала:

— Месячные закончились, так что, может, сегодня вечером?

Боже, я уже подумал о том, чтобы заставить Алека подождать в машине следующие полчаса!

Но, конечно, мы не могли этого сделать сейчас.

— Ты готова встретиться с Алеком и пойти на ужин?

— М-м-м, думаешь, ему понравится? — сказала она, отступая назад и делая небольшой пируэт.

Я решил, что это риторический вопрос. В буквальном смысле слова, моя жена должна была стать первой женщиной, которую он увидит за последний год. И в этой блузке!

Когда мы обошли машину и Алек вышел, чтобы вежливо поприветствовать ее, я подумал, что его глаза грозили выскочить из орбит. Думаю, она уже получила ответ на свой вопрос.

Мы с Мишель не часто бывали во всех девяти барах Кадьяка. Моим жалким жалованьем береговой охраны и ее неполным рабочим днем в юридической фирме нам едва удавалось платить за квартиру и покупать еду. Жить в Кадьяке дорого. Но мы слышали, что одним из лучших мест с самыми лучшими стейками и морепродуктами является гриль-бар Джерри, и первый вечер Алека показался нам самым подходящим для того, чтобы навестить это место.

Я думаю, что каждая пара глаз в помещении повернулась в нашу сторону, когда хозяйка повела нас к столу. Возможно, «наша сторона» не слишком точное описание. Именно Мишель привлекала внимание буквально каждого клиента, включая меня и Алека.

У нас был замечательный ужин — их жареный лосось был изумительным, а потом мы провели

немного времени с парой напитков и танцами. Алек пару раз танцевал с Мишель, будучи безупречным джентльменом. Должно быть, ему было тяжело это делать, потому что ее блузка была мягкой, как шелк, а ее духи свежими как...вау, она просто была самой красивой и сексуальной. Я знаю, каково было танцевать с ней, с твердым, как камень, членом. Я даже представить себе не мог, каково в этот момент было Алеку.

Вернувшись домой, я начала чувствовать себя немного заведенным. Да, конечно. Я чувствовал себя так весь проклятый день с тех пор, как забрал Мишель на ужин, я практически сошел с ума! Мишель тоже это чувствовала, это совершенно очевидно. Ее соски сквозь лифчик и блузку выглядели такими же набухшими, как мой член.

У нас было только одно достаточно удобное место — наш диван. Мишель села посередине, Алек и я — по обе стороны от нее. Но сначала я открыл бутылку нашего свадебного вина и налил три бокала. Ни Мишель, ни я почти не пьем алкоголь, и я чувствовал, что те два коктейля из бара были, возможно, лишними. Я знаю, что должен был быть немного осторожнее с Мишель, ведь Алек сидел прямо с другой стороны от нее, но, черт возьми, после почти трех недель...

Так или иначе, когда я сел, моя рука направилась прямо к внутренней стороне ее бедра, чтобы поглаживать его вверх и вниз. Мы сидели, разговаривая о Сайткинаке, о новом месте службы Алека в Северной Каролине, и пили вино.

И мне захотелось сосать ее соски! Да даже почувствовать их. Мы все еще были молодоженами, прошло всего восемь месяцев с нашей свадьбы, и я был так чертовски возбужден. Черт возьми, даже Алек, сидевший с другой стороны от нее, тоже потирал ее бедро, а Мишель отвечала тихими вздохами.

Немного погодя я встал, наполнил наши бокалы вином и снова сел, а затем, чтобы отвлечься от духов Мишель и сосков, торчащих из ее блузки, я рассказал ей о коробке с гвоздями на старой базе ВВС на Кадьяке. База была частично построена во время Второй мировой войны, а затем, когда война закончилась, ее оставили гнить. В одной конкретной полной коробке гвозди проржавели и образовали вместе одну конструкцию, затем коробка полностью сгнила, оставив коробку гвоздей без коробки. Это было чертовски забавно.

Но почему-то история не произвела желаемого эффекта. Обе наши руки на бедрах Мишель становились все ближе и ближе к ее промежности, и, если уж на то пошло, ее соски становились все более набухшими.

Когда Алек встал и направился в ванную, Мишель наклонилась ко мне и прошептала:

— Я такая мокрая!

Ну да, подумал я. Чего, черт возьми, она ожидала, сотворив такое со мной и Алеком? Я воспользовался краткой возможностью, уткнулся носом в ее шею и поднял руку на несколько сантиметров выше, чтобы сильно прижать ее самое интимное место.

— О, это так приятно, — простионала она. Затем последовали слова, которые ни один мужчина никогда не захочет услышать, особенно в такой ситуации. — Но ты же знаешь, что сегодня мы ничего не сможем сделать ... Алек нас услышит. — Да, наверное, так и будет.

Вот дерьмо! Нет, подумал я. Конечно, она не сделает этого с нами. И потом, я не знаю, откуда взялись такие мысли. Ну, я думаю, что знаю, потому что это было скрыто в глубине моего сознания, но я чертовски уверен, что никогда не ожидал услышать, что я скажу ей в следующий момент:

— А что, если ...Алек нас слышит уже сейчас..? — прошептал я ей на ухо, одновременно уткнувшись носом.

Она повернула ко мне голову, чуть отодвинувшись назад.

— Я не знаю...

Мой член был так чертовски тверд, когда я просто думал о том, что я собирался сказать. Мое сердце выпрыгивало из груди. Я никогда бы не подумал, что даже подумаю об этом, не говоря уже о том, чтобы сказать это:

— Может быть...Алек...Может не только послушать, — и в этот момент чудовищность того, что я только что сказал, поразила меня со всей силой.

Мое сердцебиение подскочило примерно в три раза по сравнению с тем, что было всего минуту назад. По выражению лица Мишель я понял, что до нее начало доходить, о чем я говорю. Ее рот открылся, как будто она пыталась что-то сказать, но не могла. Не знаю, я почти ожидал, что она даст мне пощечину за само такое предложение.

Но она этого не сделала. На ее лице появилась легкая улыбка, а в глазах появился огонек...Как будто она действительно обдумывала то, что вылетело из моего рта? Мне хотелось, чтобы она смогла заглянуть в мой разум и увидеть то, что я представлял - рот Алека, обхвативший ее сосок.

Я боялся, что у меня случится сердечный приступ, когда Алек снова сел на диван рядом с Мишель. Она небрежно положила руку ему на ногу чуть выше колена. Это выглядело не особенно сексуально, за исключением того, что она действительно положила свою руку ему на ногу.